

и Сов. культуры 1976, 20 апреля, №15

Евгений
ГАБРИЛОВИЧ

МЫСЛЬ —

Если даже попытаться записывать собственную жизнь день за днем, шаг за шагом, минутой за минутой, все равно в записях будут пробелы: что-то позабудешь, где-то закружишь фразу, о чем-то умолчишь. Но случаются события (оттого мы и зовем их событиями), которые и без подробных записей остаются в памяти, будоражат сердце, вызывают из невидимых хранилищ памяти заметы, сделанные вроде только для сугубо личного потребления, но оказывающиеся между тем предназначенными для того, чтобы поделиться ими широко и добросердечно.

Такое событие близко. XXV съезд КПСС. И мне хочется порассуждать о советском человеке, нашем современнике — моем любимом и главном герое.

Сказав так, я ни на йоту не покривил душой, не солгал ни перед зрителями моих фильмов, ни перед коллегами по искусству, ни перед собой. В моей долгой, переживавшейся успехами и неудачами, поисками и экспериментами, пониманием авторских замыслов и полным неприятием их, восторженными и более чем прохладными рецензиями, борьбой

за принципы и мелкой, изнуряющей суетой жизни в кино меня всегда интересовал мой, а точнее, наш современник. Но не в узком, а в философском, самом широком понимании этого слова. Когда под ним подразумевают не ультрасовременные, часто внешние аксессуары при дремучей неосведомленности об азбучных истинах, но человека, пусть одетого в костюм начала века, но мыслившего категориями, что сохранили свою оригинальность и свежесть по сей день и сохраняют еще на многие годы вперед.

Мысль — вот главная, если можно так выразиться, примета современного киногероя, какую бы должность он ни занимал, будь министром или рабочим, академиком или комбайнером, домашней хозяйкой или космонавтом. Грандиознейшее из зрелищ — кино, впитывающее, словно губка, последние достижения науки и техники, по-прежнему, наподобие гигантского магнита, влечет к себе миллионы и миллионы людей. Но теперь зрителю уже мало цвета, широкоформат и стереофонического звука. Не удовлетворяют его псевдогерои с заученными улыбками, надуманными страстями, затертыми сло-

вами. Мало ему лихо закрученных сюжетов, головокружительных трюков и шикарных интерьеров.

Он, зритель, жаждет увидеть на экране не только киногероя в традиционном понимании этого слова, но человека, подобного себе, думающего и иногда ошибающегося, азартного и рассудительного, действующего и отстаивающего собственную позицию. Будоражащая, все поглощающая своей страстью и беспрестанным горением мысль — это знамение нашего века, — вот что, по моему глубокому убеждению, делает лучшие произведения кинематографа поистине современными. И никакие, пусть самые что ни на есть виртуозные съемки и новейший монтаж, сочетание цветной и черно-белой пленки, извлечения из документального киноархива, присутствие в кадре гигантского синхрофазотрона не заменят напряжения мысли, ее триумфа во всех областях, ее победного проникновения в самое сложное и сокровенное в природе и человеке, чем, собственно, и отличается наше время от времени давно минувшего.

Но коли дело обстоит именно так, то и герой наших кинопроизведений дол-

жен, обязан быть на уровне эпохи, что предполагает в первую очередь сложный внутренний облик, стремление к размышлению, к конфликту размышлений, а значит, к присутствию на экране острой, глубокой мысли. Без этих компонентов мне не представляется сегодняшняя масштабная политическая картина на актуальную тему. Масштаб интеллекта, а не голый схематизм, пускай и правдивых, смелых, благородных поступков. — вот что всегда привлекало меня в человеке, вот что хотел я подчеркнуть в своих киносценариях.

Но есть и еще кое-что, о чем я хотел бы сказать. Мне, ровеснику века, особенно хорошо видно, как преобразилась, стала, как часто говорят, совсем другой жизнь. И это чистой воды правда. Огромный, все увеличивающийся поток информации позволил не только расширить круг наших знаний, но и изменил сам склад мысли, манеру общения. И в то же время те, кто разрабатывает сложнейшие вычислительные устройства, делает пересадки органов или постигает тайны генов, летает в космос или погружается в пучину морскую, влюбляются и ревнуют, растят детей и разводятся, ссорятся и мирятся ну точь в точь так же, как когда об-

ГЛАВНАЯ ПРИМЕТА

ЭВМ и причудах наследственности никто и не подозревал.

Любовь и ненависть, верность и измена, благородство и предательство, героизм и трусость и многое другое, что уже веками исследуется различными видами искусства, присутствует и в повседневной жизни, а значит, должно находить отражение и в экранной жизни наших героев. И в этом я тоже вижу непереносное условие создания достоверного образа моего и вашего современника.

Другой вопрос, должен ли кинематографист, решивший посвятить свое творчество созданию образа современника, работать с такой же скоростью, что и несущийся буквально вскачь век, дабы не отстать от него и, как иным представляется, от его героя. Мое глубокое убеждение состоит в том, что, «отразив» в сценарии и то, и другое, и третье, все равно не поспеешь за четвертым и пятым, потому что оные и последующие свершатся еще раньше, нежели фильм будет запущен в производство.

Мне думается, что каждый, кому дороги судьбы советского кинематографа, не только его вчера, сегодня, но и завтра, согласится, что никакой, даже самый полный реестр внешних при-

мет нашего времени не заменит истинно художественного рассказа, пускай даже об одном герое, с которым автора связывает не только временная общность, но сопричастность к судьбам общества, страны. И в то же время умение видеть и с позиции человека социалистического общества вскрывать недостатки, еще имеющиеся у нас.

Для меня современный киногерой накрепко, глубоко связан с образом коммуниста. И, конечно же, с образом Ленина. Работа с С. Юткевичем над фильмом «Ленин в Польше», я, как никогда прежде, пристально изучал ленинское наследие, стараясь вникнуть в манеру Ильича вести переписку, произносить речи. В моем архиве и по сей день хранятся объемистые тетради, в которых подробные записи, позволившие мне составить собственное представление о кинематографическом образе Ленина, во многом не похожем на того, каким мы его уже видели на экране. Основы полагающей для нас была ленинская мысль. Отсюда и родился закадровый монолог Ильича — великого революционера, интеллигента и человека, которому не чуждо все человеческое. И в «Последней осени» меня как кинописателя вела за собой

ленинская мысль — высокая, беспокойная, ответственная. Быть может, кое-кого и удивит, что, рассуждая о киногерое-современнике, я обратил к образу В. И. Ленина. Но разве без него можно всевозрастающе рассуждать о нашей эпохе, о сегодняшнем и завтрашнем дне партии, страны, народа, на знамени которого начертано имя Ильича! Советский кинематограф по праву гордится киноленинианой. Сделано тут много. Но еще больше пока остается за кадром. Вот почему мы с Юткевичем снова работаем вместе над сценарием для фильма «Ленин в Париже», который будет ставить режиссер А. Митта. Работаем трудно, напряженно, но с надеждой, что наш скромный труд позволит проткнуть на экране еще одну страницу из жизни величайшего современника двадцатого века.

Мой жизненный, журналистский, писательский, наконец кинематографический опыт дает право утверждать крайнюю необходимость для нашего кино такого героя, который всеми своими мыслями, делами, поступками утверждал бы необходимость действовать принципиально, ответственно, по-партийному. Как это выглядит на экране, мы попытались показать с Ю. Райзманом в наших фильмах «Коммунист».

«Твой современник». И хотя действие в них происходит в разные, далеко отстоящие друг от друга годы, Губанов первых лет Советской власти и Губанов конца 60-х годов — это люди, не искавшие легких путей, коммунисты, способные на поступки, свершать которые дано, увы, не всякому. Вот и в новой картине, которую будет ставить Ю. Райзман по сценарию, написанному им вместе со мной, предстоит еще одна встреча, на этот раз с героиней. И хотя фильм как бы не выходит за рамки ее личной жизни, в то же время в характере, поступках и мыслях этой женщины останется нечто губановское: стремление жить, действовать сообразно совести и убеждениям... Впрочем, все это предстоит еще воплотить на экране.

...Я оптимистически смотрю в завтрашний день нашего кино. Рядом с нами уже работают молодые способные сценаристы и режиссеры. И я верю, что мы общими усилиями, каждый в меру своего таланта, создадим образ героя-современника, человека, мыслящего широко, по-государственному, отдающего свой труд и разум стране, которая вскормила и воспитала нас и которой мы все вместе служим не ради почестей и славы, а по глубокому убеждению и велению сердца.

«Твой современник». И хотя действие в них происходит в разные, далеко отстоящие друг от друга годы, Губанов первых лет Советской власти и Губанов конца 60-х годов — это люди, не искавшие легких путей, коммунисты, способные на поступки, свершать которые дано, увы, не всякому. Вот и в новой картине, которую будет ставить Ю. Райзман по сценарию, написанному им вместе со мной, предстоит еще одна встреча, на этот раз с героиней. И хотя фильм как бы не выходит за рамки ее личной жизни, в то же время в характере, поступках и мыслях этой женщины останется нечто губановское: стремление жить, действовать сообразно совести и убеждениям... Впрочем, все это предстоит еще воплотить на экране.